

5. **Приходько В. В.** Вища школа і структура економіки України / В. В. Приходько // Економіка і управління у промисловості. Матеріали Всеукр. наук.-практ. конф., присвяченої 75-річчю фак-ту економіки та менеджменту НМетАУ. – Д.: ІМА– прес, 2010. – С.331–332.
6. **Приходько В. В.** Вища школа як дзеркало українського суспільства / В. В. Приходько, В. Г. Вікторов // Міжвузівський збірник наукових праць «Філософія. Культура. Життя». Вип. 28. – Д.: Дніпропетровська державна фінансова академія, 2007. – С.132–136.
7. **Приходько В. В.** Інноваційна реформа вищої освіти в сучасній Україні: Монографія / В. В. Приходько. – Д.: Пороги, 2010. – 456 с.
8. **Приходько В. В.** Макропедагогіка и ее роль в дальнейшем развитии вузовского физического воспитания / В. В. Приходько // Сучасна стратегія та інноваційні технології фізичного вдосконалення студентської молоді (в традиціях науково-педагогічної школи ОНПУ). Матеріали Міжнародного симпозиуму, 16–17 вересня 2010 р.: Наук. моногр. / За ред. Р. Т. Раєвського. – Одеса : Наука і техніка, 2010. – С. 173–178.
9. **Приходько В. В.** Смысл, роль и значение макропедагогике для современной Украины / В. В. Приходько / Сьомі Всеукраїнські читання «Православ'я у світовій культурі». – Д., 2009. – Режим доступу : <http://dsfa.mybb3.net/viewforum.php?f=7>.
10. **Симонов К.** Три тетради / К. Симонов. – М.: Воениздат, 1964.

Надійшла до редколегії 14.01.11

УДК 130.2

Т. И. Власова

Дніпропетровський національний університет залізничного транспорту

ВЛАСТЬ И «ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ» ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ

Рассматриваются проблемы разделения социальной жизни на частную и публичные сферы, их гендерное осмысление в научной теории и реализация в практиках ежедневной жизни.

Ключевые слова: публичная сфера, частная жизнь, патриархатная власть, дихотомия, оппозиционная культура, «загадка женственности», реконцептуализация, «гендерный разрыв», политические теории.

Розглядаються проблеми розподілу соціального життя на приватну та публічні сфери, їх гендерне осмислення у науковій теорії та реалізація у практиках щоденного життя.

Ключові слова: публічна сфера, приватне життя, патріархатна влада, дихотомія, опозиційна культура, «загадка жіночності», реконцептуалізація, «гендерний розрив», політичні теорії.

The dichotomy «private/ public» is under the analysis in the given paper. The focus is on the gender aspects of these spheres both in the theory and in the practices of everyday life.

Keywords: public sphere, private life, patriarchal power, dichotomy, oppositional culture, feminine mystique», reconceptualization, gender gap, political theories.

На протяжении многих столетий традиционный социокультурный, философский взгляд на женщину базировался на утверждении «природной» непригодности женщин играть значимую роль в общественной или политической сфере. Та роль в семье, которую выполняла женщина, сама ее репродуктивная функция также рассматривались как аргументы в пользу обозначения публичной сферы как сугубо маскулинной. И хотя Платон подчеркивал в «Республике», что нет такой причины, по которой женщины не могут быть правителями или философами, эти аргументы, как известно, относились только к высшему социальному эшелону его идеального города [5]. Практически всегда и во всех случаях патриархатная культура подразумевала – и подразумевает – ответственность мужчин за обеспечение материальных средств существования и ответственность женщин за выполнение рутинной домашней работы. Даже последняя волна феминизма, бывшая неотъемлемой чертой бурных политических событий конца 60-х годов XX в., подчеркивала в своей борьбе за равенство женщин, что речь идет не о равенстве «на кухне перед горой грязной посуды», а о равенстве за пределами семьи и дома.

В рамках патриархатной культуры женщины столетиями убеждали в том, что реализоваться они могут только в домашней сфере, и потому столь странным представляется многим мужчинам желание женщин вырваться из ограниченного пространства даже ультрасовременной кухни даже в очень обеспеченном доме. Это то, что Бетти Фридан назвала «загадкой женственности» [9]. В основе этого выражения лежит убеждение, что женщины не могут желать себе лучшей судьбы, чем прославление собственной женственности. Такая конструкция, по мнению Фридан, очень опасна и коварна тем более, что она поддерживается вульгарной версией фрейдистского анализа и подкрепляется масс-медиа, которые учат, что женщинам, обладающим «истинной» женственностью, не нужна карьера, доступ к уровню принятия решений, одним словом, им не нужна независимость. Все, что им требуется, – это с юности посвятить себя поискам мужа и рождению детей. Поскольку женщине отказано в выражении собственных гендерных интересов, она вынуждена жить «чужой» жизнью, в лучшем случае – конкретной жизнью своих домашних, в худшем – в мире своих фантазий. Как и в патриархатном обществе тысячелетия тому назад, женщина и сейчас, по мнению многих, как ученых, так и обывателей, может обрести идентичность только в семейной жизни, то есть женщина сама по себе ничто, только для мужа и для детей она может стать «чем-то». В культур-

ном каркасе патриархатного мироустройства реальность женской жизни не важна, ее как бы не существует, есть «мужской» мир борьбы, соперничества, денег и власти. Неудивительно, что феминистская философия, гендерные исследования и сейчас, в начале XXI в., рассматриваются некоторыми учеными как нечто вторичное, несерьезное, конъюнктурное (как сказал в своем выступлении один из моих коллег, профессор философии, – «это поп-наука»). То есть многовековой патриархатный «запрет на речь» женщин и сейчас вызывает некоторую ностальгию в мире маскулинных стандартов. «Закон отца» (в данном случае научных авторитетов) уже не может отказать женщинам в праве на репрезентацию, но с помощью всевозможных манипуляций пытается эту репрезентацию представить в негативном свете.

Начиная с 70-х гг. XX в. с выдвиганием социально-конструктивистской интерпретации гендера сторонникам теории половых ролей, в основе которой лежит биологическая дихотомия и заданная программа полоролевых стереотипов, стало значительно сложнее отстаивать свои концепции о природе отношений между полами. В феминистском гендерном подходе, сформировавшемся как критика классической социологии, в рамках которой статус пола является аскриптивным, гендерные отношения рассматриваются как социально организованные отношения власти и неравенства. «Но как можно говорить о гендере, не говоря о власти?», задает вопрос авторитетный социолог М. Киммел [1, с. 151]. Власть не просто действует «сверху вниз», провозгласил М. Фуко, утверждающий, что это монолитная сила, действующая во всех направлениях [8]. А если власть присутствует везде, то и сопротивление возможно из разных источников. Чернокожие феминистки, противопоставив феминизму «вуманизм», поставили на одну доску патриархатную власть и расизм, что навлекло на них (например, на Э. Уокер) шквал обвинений, особенно после того, как Стивен Спилберг в 1985 г. экранизировал знаменитый роман Э. Уокер «Цвет пурпурный» [6, с. 8]. «Цвет пурпурный» не раз называли феминистской утопией. В утопическом мире романа мужчина имеет право быть слабым и посвящать свою жизнь детям, не вызывая недоуменных вопросов окружающих, так же, как и женщина, которая может не признавать, что дети – это единственный смысл и оправдание ее жизни. Конечно, как любая утопия, роман очень уязвим для критики, но, что важно в данном контексте, – это роман «оппозиционный», представляющий феминистские исследования как «культуру оппозицию». Культура оппозиции (гражданской или политической) не может быть «по определению» массовой культурой, она всегда – в большей или меньшей степени – маргинальна, а потому (не говоря уже о других факторах) она не может быть поп-культурой.

Важнейшим достижением феминистского подхода ученые считают прежде всего то, что его приверженцам удалось доказать в сотнях своих исследований, что женщины до недавнего времени практически исключались как из общественной жизни, так и из процесса познания, поскольку все общественное устройство большинства мировых цивили-

лизаций построено под интересы доминирующего пола – мужского. Сторонники конструктивистского гендерного подхода подчеркивают, когда мы говорим о гендере, мы подразумеваем иерархию, власть и неравенство, а не просто различия между полами [3, с. 14].

Как пишет М. Киммел, «власть не может быть «отвергнута», подобно идеологии, она перерастает в другие формы. Власть и создает, и уничтожает. Она составляет «ткань» наших жизней, деформируя наши взаимоотношения и структуру наших институтов. Она настолько пронизывает наши социальные отношения, что является наиболее невидимой для тех, кто больше всех ею обладает» [1, с. 157].

Когда в начале XXв. суфражистки приковывали себя цепями к ограде Букингемского дворца, они пытались доказать, что женщины несправедливо исключались из общественной сферы, что их жизнь несправедливо ограничена ролью матери и домохозяйки, что несправедливо убеждение о несоответствии женщин суровым требованиям публичной жизни. Но, как отмечают ученые, для того, чтобы перейти из частной жизни в общественную, нужно было изменить границы, разделяющие публичное и частное. Требование реконцептуализации этой демаркационной линии стало основой феминизма конца 60-х годов, утверждавшего, что с точки зрения интересов общества и потребностей женщин необходимо их освобождение от «мистики женственности». Вслед за С. де Бовуар Бетти Фридан была уверена: наиважнейшая задача состоит в том, чтобы показать женщинам возможности свободы и самореализации вне домашнего круга. Но в отличие от Бовуар она безоговорочно отвергала любые нападки радикальных феминисток и на общепринятую нравственность, и на семейную жизнь. Подобно Маргарет Тэтчер, писавший в 1954 г., что при умелой организации домашнего труда женщина может выделить ежедневно восемь часов для «работы», она говорила, что женщинам следует воспринимать домашнюю работу, как она есть, – это не карьера, но то, что нужно сделать как можно быстрее и эффективнее. В книгах, опубликованных в 80-х годах, Фридан признавала, что необходимо включить вопросы семьи в феминистскую повестку дня. Очевидно, ей стало ясно, что сбалансировать общественную и домашнюю жизнь очень сложно, хотя она по-прежнему полагала, что это настоятельная необходимость [7].

Следует заметить, что, в целом, стереотип домашней хозяйки очень изменился к концу прошлого века, что было связано, конечно, не только со значительными успехами в отношении политического и юридического равноправия, но и с технологическими достижениями, значительно облегчившими домашнюю работу. Уменьшение рутинной работы не только оставляло матерям больше времени для семьи и детей, но и создавало возможность для роста профессиональной занятости женщин, что в свою очередь способствовало изменению внутрисемейных гендерных ролей. Деятельность женщин не была уже замкнута на самих себя, «вторая волна» феминизма остро поставила вопрос о необходимости полноправного участия женщин во властных структурах всего общества. В об-

становке социального подъема 70-х годов было сделано очень многое для преодоления «gender gap» – гендерного разрыва, характерного для роли и места женщин в системе властных отношений. Как известно, одной из структурных причин «гендерного разрыва» выступает то обстоятельство, что в большинстве развитых стран Западной женщины получили право голоса на 100-200 лет позже, чем мужчины. Важно отметить, что во всех странах наделение женщин правом голоса равным праву мужчин произошло благодаря активности суфражизма, который явился если не единственной, то одной из самых ярких страниц в истории феминизма. Сто лет прошло со времени деятельности суфражисток, но, как известно, самые большие гендерные изменения произошли за последние полвека. С другой стороны, столь ли значительны эти изменения?

За период с 1954 г., когда женщина впервые в мировой истории была демократически избрана главой государства, и по 2000 г. на этот пост вступили только 17 женщин; с 1960 г., когда женщина впервые стала премьер-министром, по 2000г. было назначено или избрано 32 женщины в ранге премьер-министра. На 1999 г. из 159 государств-членов ООН только в 6 странах премьерами были избраны женщины; в 2000 г. только 7 глав государств были женщинами (Бангладеш, Гвинея, Новая Зеландия, Ирландия, Финляндия, Латвия и Шри-Ланка) [2, с. 15].

В 2010 г. женщины стали президентами Коста-Рики, Швейцарии, Аргентины, Бразилии, Киргизии. В Германии с 2005 г. федеральный канцлер – Ангела Меркель, Глория Халонен – президент Финляндии с 2006 г., Мишель Бачелет – президент Чили с 2006 г., Эллен Джонсон-Серлиф – президент Либерии с 2006г., Мери Патрисия Макэлис – президент Ирландии с 1997 г.

Интересно отметить, что проблемы места и роли женщин в современном обществе относятся к числу важнейших политических и социальных проблем в большинстве тех стран, где еще недавно идея доступа к политической власти женщин относилась к разряду фантастических. Подтверждением тому стало вступление в должность президента Либерии Эллен Джонсон-Серлиф. На состоявшихся в конце 2005 г. выборах (первых после завершения 14-летней кровопролитной гражданской войны) 67-летняя Джонсон-Серлиф одержала убедительную победу над своим соперником – футбольной звездой клубов «Милан» и «Челси» Дж. Веа. Такая же тенденция проявилась и на другом континенте земного шара – в Латинской Америке. В Чили – стране, где сильны традиции «брутальных мячей», где разводы были разрешены законом лишь в 2004г., президентом в 2006г. становится женщина – Мишель Бачелет.

Следует сказать, что, в целом, утверждение прав женщин в странах «черного» континента идет значительно активнее, чем на постсоветском пространстве. В Руанде женщины составляют в парламенте 48,8% от общего количества парламентариев, в Мозамбике – 34,8%, в ЮАР женщины в 2008г. занимали посты: заместителя президента республики, девяти министров, 14 заместителей министров, в Национальной ассамблее ЮАР 32,8% депутатов – женщины [4, с. 274–275].

В то же время исследователи обращают особое внимание на процессы сокращения политической представительности женщин в странах бывшего социалистического блока, в некоторых из них доля женщин-парламентариев снизилась в несколько раз. Вышеприведенные данные являются лишь некоторыми примерами демократии конца XX – начала XXI вв. в контексте создания равных возможностей для женщин. Исследование темы «женщины и политика» не является предметом данной статьи, тем не менее нельзя не отметить, что далеко нелепые образы женщин-политиков, встречающиеся в СМИ, не являются простой случайностью в представлениях о политическом.

Более того, и сейчас существует тенденция к маргинализации феминистских исследований в политической теории. Как замечают исследователи, неспособность современной политической мысли рассмотреть семью и использование ложного гендерно нейтрального языка привели к тому, что теоретики продолжают пренебрегать основными политическими проблемами гендера, несмотря на убедительные доводы феминистских исследователей. При этом, даже взяв на вооружение известный лозунг «Личное есть политическое», феминистки, как правило, не оспаривают, что тесная связь женщин с домашней сферой и ответственность за нее являются естественными и неизбежными. Даже в начале «второй волны» феминизма, когда некоторые выдвигали аргументы в пользу разрушения всех барьеров на пути женщин на рынок труда и в политику, многие феминистки поддерживали при этом идею особых обязанностей женщин в семье. Противоречивость позиции, признающей двойную роль женщин, четко прослеживается во многих работах ученых-феминистов (М. О. Брайен, Дж. Элштайн, С. Файерстоун, М. Стейси и др.). Со временем феминистки переключили свое внимание на политический характер таких сфер, которые раньше не рассматривались как политические: личная жизнь, сексуальность, домашняя работа, семья. Семья продолжала занимать центральное место в феминистской теории гендера и в 90-е годы (С. Оукин, Э. М. Джаггар, Л. Николсон, Дж. Скотт, Г. Гриер, А. Дворкин и др.).

Сейчас, в конце «нулевых» нового тысячелетия, реальная организация современного общества по-прежнему демонстрирует сильное влияние доминирующей концепции социальной жизни как разделенной на отдельные и четкие сферы. В исследованиях последних лет философы-феминисты представили убедительные доказательства того, что многое в концепции разделения социальной жизни на частную и публичную сферы вводит в заблуждение и мужчин, и женщин. Таким образом исследователи гендера утверждают, что либеральное представление о существовании различий между указанными сферами и «природными» способностями мужчин и женщин является идеологическим в том смысле, что оно изображает общество исходя из традиционной мужской перспективы. Ученые уверены, что мы не сможем понять общественные сферы – государство, трудовую деятельность, рынок, – не учитывая тот факт, что они были построены на исходном убеждении о мужском превос-

ходстве. Важно также подчеркнуть: несмотря на то, что феминистские философы оспаривают многие моменты, связанные с дихотомией «публичное – частное», лишь единицы стали бы отрицать ценность частной жизни как для женщин, так и мужчин. С. Оукин справедливо замечает, что и женщинам, и мужчинам необходима частная жизнь для развития близких отношений с другими, для того, чтобы иметь пространство для временного освобождения от своих ролей, для того, чтобы иметь собственное время для развития своего интеллектуального и творческого потенциала [10].

Безусловно, институты и практики гендера меняются на наших глазах, и граница между публичной и частной сферами в гендерном осмыслении, на практике уже не является столь четкой, как представляется многим теоретикам. Очевидно, ее размывание в практиках реальной жизни не останется незамеченным традиционной политической теорией и заставит ее пересмотреть «естественно» женскую природу домашней жизни.

Библиографические ссылки

1. Киммел М. Гендерное общество / М. Киммел. – М.: РОССПЭН, 2006. – 458 с.
2. Кочкина Е. Введение / Е. Кочкина, М. Кириченко // Гендерная реконструкция политических систем. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 8–38.
3. Ксенофонтова Н. А. Власть как центральный вопрос во взаимоотношениях полов и в гендерных исследованиях / Н. А. Ксенофонтова // Гендер и власть: семья, общество, государство. – М.: Институт Африки РАН, 2008. – С. 9–20.
4. Садовская Л. М. Проблемы продвижения африканских женщин в политику. Тенденции последних десятилетий / Л. М. Садовская // Гендер и власть. Семья, общество, государство. – М.: Институт Африки РАН, 2008. – С. 274–289.
5. Оукин С. М. Философы-королевы и частные жены: Платон о женщинах и семье / С. М. Оукин // Феминистская критика и ревизия истории политической философии. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 25–52.
6. Уокер Э. Цвет пурпурный / Э. Уокер. – М.: РОССПЭН, 2004. – 326 с.
7. Encyclopedia of Feminist Theories. Ed. L. Code. – New York and London: Routledge, 2003. – 560 p.
8. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison / M. Foucault. – New York: Vintage, 1995. – 352 p.
9. Friedan B. Feminine Mystique / B. Friedan. – New York: Norton and Co, 1974. – 430 p.
10. Okin S. M. Gender: the Public and the Private / S. M. Okin // Political Theory Today; Ed. D. Held. – Oxford: Polity Press, 1991. – P. 67–90.

Надійшла до редколегії 20.01.11